

Церковь

Кап-кап-кап, кровь падала на каменную дорогу, двое мужчин шли. Ночь опустилась на весь остров. Луны не было несколько дней, но она вернулась, тучи были отчасти ответственны за это. Серая пелена разорвалась, над головами засверкало чистое звездное небо. Оба мужчины держались на адреналине, их тела выглядели измученными. Что-то держало их в живых, адреналин не мог так долго поддерживать умирающее тело. Задействовалось какое-то мифическое явление, да и осанка у них была какая-то неестественная. В конце каменной дороги стояла массивная церковь, двор был тускло освещен. Деревья вокруг перешептывались между собой, ветер создавал впечатление, будто они беседуют. На полпути стояла статуя, статуя божества, которому они поклонялись. Того, чье имя неизвестно даже самой церкви. Вокруг этой статуи главная дорога продолжала вести вперед, а два противоположных пути вели налево и направо. У тяжелораненых мужчин не было сил двигаться. Их глаза выглядели мертвыми, ни капли жизни в них, пустые оболочки. Все это освещалось факелом, стоявшим под ними.

Борьба продолжалась, в такое время ночи папа обычно читал проповеди о том, как нужно жить. Такие учения были доступны всем желающим учиться, это было основой их веры. Достаточно загадочно, но в ту ночь это было отменено, никто не ожидал этого. Папа остался непреклонным, и никто не осмелился бросить ему вызов. Люди вокруг Крестона знали о его поведении, религиозном человеке спереди, но воинственном индивидууме за этим тщательно сделанным фасадом. Эта скрытая от него персона была благом, всякий раз, когда возникали войны или конфликты, его истинный талант пробуждался, он процветал в таких ситуациях. Тишина, ничего, ни единой души, полное спокойствие и мир. Скамьи, обращенные к двум огромным фигурам, запечатлевшим одно событие. Справа то же божество, что и снаружи, держало меч. Слева другая фигура, на этот раз она стояла на коленях, ее глаза выглядели так, как будто она плакала. Острие меча слегка вонзилось ей в горло, однако руки ее были сложены, она молилась. Никто не знал истинного значения этой картины, но некоторые изображают ее как победу добра над злом. Добром - мужчина, который стоял сильным и могущественным, в то время как дама стояла на коленях и умоляла. "Отродь дьявола" - еще одно название, данное женщинам. К счастью, такие мысли приобрели архаичный характер, и люди начали игнорировать подобные вещи. К сожалению, здесь, в Крестоне, такая практика была все еще обычным явлением; стремление провинции к милитаризации во благо человечества вынудило многих молодых детей быть убитыми.

Родители, некоторые из которых подверглись промыванию мозгов, а другие просто глупцы, часто заворачивали своего новорожденного ребенка во влажные одеяла, а затем топили его. Распространились многие другие способы детоубийства девочек, все зависело от семей. Воспитание девочки считалось слабым и немощным, почти как проклятие. Церковь никоим образом не несла ответственности за подобные мысли, но некоторые предполагают, что они помогли распространить этот миф. В целом, это было несправедливо, но никто не обращал внимания на это, это делалось тайно без чьего-либо признания. Шесть разных провинций и шесть разных типов мышления и идеалов. Гидрос был островом, рожденным для конфликтов. Мир здесь был иллюзией, но люди мечтали, повсюду, вокруг, они мечтали.

"Ва-ше святейшество", — открылся большой вход. Перед ними стоял тот, кто контролировал все, святой, тот, кто всеми командует, — папа Римский. В одной руке он держал посох, в другой — гримуар. Кровь непрерывно капала, двое мужчин приблизились. "Говорите, мои марионетки, говорите". Личность Святого человека отличалась от той, что была у него, когда он просыпался по утрам. Он усмехнулся, его пальцы постоянно подергивались, словно он был марионеткой, к

пальцам которой были привязаны нити. "Кто с вами это сделал?" — произнес он с властью и полным контролем. "Д-девички, д-демон, п-проклят-меч, Д-дорчестер с-силен". Раздался треск ломающихся костей, тела сдались. Их оболочки почти стали жидкими, потрескивая. Причиной этого был тот, кто всеми управляет, — папа Римский. "Патетика, контролировать тела с помощью маны после их смерти. Некромантия может быть полезной, но это слишком слабо, их тела не могут приспособиться к моему. Какая загадка". Он проигнорировал мужчин, которые теперь кричали, — они все еще были живы, но еле-еле. Они молили еще об одном шансе, рыдали, но в итоге сдавались под тяжестью своих ран. "Стен Парцивелл, я уважаю тебя. Если бы не вражда между нашими провинциями, твои исследования в области некромантии вместе с моими могли бы изменить облик этой планеты". Гримуар, который он держал, захлопнулся. "Ваши люди из Дорчестера убили людей из моей святой армии. Я больше не позволю вам дышать, эта война наша, я собираюсь лично вас всех покончить". Он резко обернулся, его белые одеяния продолжали развеиваться после того, как он остановился. "Я отрублю вам головы, клянусь". Его лицо выглядело спокойным и собранным, но он жаждал крови. Два избитых тела лежали на его пути, одно из них все еще дышало. "Удивительно, что ты жив", — сказал он с отвращением. "П-помоги м-мне", — пробормотал он; юный мальчик, которого послали на войну. "Бог тебе поможет, дитя мое", — без угрызений совести в глазах он проткнул посохом череп мальчика. "Люди устойчивы, это точно", — он осторожно постучал оружием по полу, чтобы удалить мозговое вещество. "Отвратительно", — жаловался он, когда стук становился все громче. Станный грохот привлек его внимание. Прежде чем он успел сделать еще шаг, кто-то вошел в дверь. "Ого, ты сделал нечто, не так ли?" Звук дорогих каблучков гулко отдавался по всему зданию. "Герцог Хокин, какой приятный сюрприз". Они оба приблизились и пожали друг другу руки. "В чем дело? Разве не достаточно ухаживать за провинциями, подобными нашим? Ты должен был позвать меня, я бы нанес визит, тебе не нужно утомляться из-за меня". Он говорил учтиво. "Человек Божий не должен беспокоиться о таких пустяках", — герцог сделал паузу, огляделся и снова заговорил: "У меня плохие новости. Я уверен, что ты знаешь о том, что часть наших сил была уничтожена. Мало того, деревня, которую мы надеялись захватить, — просто огромная дыра". ... "Интересно, если это так, тогда одна особа отвечает за это. Удивлен, что она решила сражаться, учитывая то, как все обернулось раньше". Папа Римский добавил, удивленно, герцог спросил: "Ты уверен, что это она, проклятое лезвие?" Папа Римский кивнул и слегка откинулся назад, теперь он стоял лицом к статуям. Хокин подошел и встал рядом с ним, они оба смотрели не на статуи, а за них — они смотрели дальше — видели не глазами, а умом. "Мы собираемся начать атаку и полностью уничтожить Дорчестер. Мы не можем допустить, чтобы место, когда-то присутствие лжеапостола, соперничало с нами. Мы могли дружить с серебряными стражами, но они переступили черту. Герцог Хокин, я ведь говорил тебе завоевать Дорчестер для нас, и вот где мы сейчас". "Я прошу прощения за то, что не прислушался к твоим предупреждениям, но управлять сразу двумя провинциями в данный момент невозможно, не говоря уже об одной, которая находится на грани краха". "Итак, все решено, мы должны напасть на них", — папа Римский повернулся и посмотрел на герцога сосредоточенно.

"Я опасаюсь, что это невозможно", — ответил герцог, тоже медленно повернувшись. "Королева Арды приказала нам отступить от Дорчестера и ни в коем случае не нападать на эту провинцию и не причинять ей вреда. Я не знаю, почему она так решила, но таково её распоряжение".

"То есть, я должен преклонить колени и подчиниться самопровозглашённой королеве? Как вы смеете, герцог? Как вы смеете". Он звучал разочарованным.

"Вы не понимаете, ваши эмоции взяли над вами верх. Королева ни к чему нас не принуждает, она лишь просит отступить и держаться в стороне. Мы ещё отомстим, ведь они убили наших

людей. Но сейчас не время. Если Арда станет нашим врагом, нашим дальнейшим планам не суждено будет сбыться. Нам нужны союзники, которых мы можем предать позже. Плаустен хранит подозрительное молчание. Возможно, нам нужно сблизиться с ними. Они непредсказуемы и находятся очень близко к Оксшилду. Дорчестер – дело безнадежное. Даже если бы мы его не атаковали, я сомневаюсь, что они выживут. Это проклятое место, которое приносит только хаос”.

Выслушав успокаивающий и размеренный голос Хоукина, разгневанный понтифик успокоился – все цели были обозначены. “Как пожелаете, старый друг. Давайте сделаем свою провинцию сильнейшей. Наша религия должна распространиться по всему острову, чтобы мы стали ещё могущественнее. Революция под видом священного крестового похода – вот моя цель, а ваша революция – военная и дипломатическая. Вместе Крестон расцветёт”.

Ночь прошла так, будто ничего не произошло. Сообщение для Крестона передали два эльфа, те самые, которые несправедливо обвинили Стаксиуса. После их ухода королева приказала привести эльфов к ней. Там они признались, что эти ложные обвинения появились в результате заговора, организованного старейшим эльфом, которого она сама убила. Это ещё не было предано гласности, однако сватовство между королевой и Стаксиусом всё ещё продолжалось. Слухи о бунте в Тотории потихоньку распространялись. В этом помогали таверны и центральные гильдии. Со всех сторон поступали сообщения о крупных зверях, путешествующие торговцы не возвращались, торговцы умирали, а наёмники пропадали без вести. Орден, управляющий магической гильдией, направил чародеев на расследование, но они вернулись ни с чем. Только у гильдии воинов были проблемы. Эта гильдия состояла из авантюристов.

Спустя годы гильдия распалась на две разные секты. Одна из них состояла из магов, а другая из воинов. Они стали соперниками. Не врагами, так как если бы вдруг возник кризис, оба заключили договор о взаимопомощи. Единственное, что не нравилось гильдии воинов, касательно гильдии магов, так это то, как управлял Орденом. Они были совершенно таинственными и действовали в тени. Это не беспокоило людей, и какими бы разными они ни казались, гильдия всё равно управлялась одним мастером. Одним из самых сильных магов и нынешним обладателем титула божественного клинка. Личный телохранитель королевской семьи, Раульф Серло. Работая на короля и королеву, Раульф был очень занят. Он должен был посещать вечеринки и банкеты в других королевствах, а также поддерживать отношения с другими правителями. Поэтому он часто бывал за пределами острова. Это и стало причиной того, что гильдия разделилась и теперь имела свою собственную свободу и независимость. Раульф работал на гильдию, но вмешивался только тогда, когда разногласия между членами гильдии выходили из-под контроля. Именно он контролировал всех.

Раульф узнал о людях, исчезнувших без следа. Было вопросом времени, когда он вернется и решит все загадки. А пока повсюду раздавались приказы об убийствах, обе гильдии щедро платили любому и всякой независимой гильдии за то, чтобы они выяснили и исправили ситуацию. В одной из таверн столицы сидел человек, говоривший день и ночь. Он рассказывал о том, как сражался с чудовищем вдвое больше его и победил. Обычно такие рассказы были обычным делом, но в этой фантазии было нечто новое: он настойчиво утверждал, что зверь исчез в прах, оставив несколько медных монет. Многие другие искатели приключений просто хмурились на эту историю и отмахивались от нее как от бреда хмельного воина. Никто ему не верил, но каждый день, ровно в одно и то же время, он снова и снова рассказывал ту же историю, взгляд его был взглядом человека, говорящего правду, но люди отмахивались от нее как от жеста, предназначенного лишь для привлечения внимания. “Вы все увидите, что мои слова не пустая фантазия, я никогда в жизни не лгал. Пока жив этот мой дряхлый организм, я буду рассказывать эту историю снова и снова. Искатели приключений, вы еще не видели лика

истинного отчаяния, зверь поглотит вас всех. Что-то растет внутри нашей планеты, что-то мерзкое и что-то божественное, перемены здесь, перемены наступили — вы все пожалеете, что не вняли моим словам".

<http://tl.rulate.ru/book/74586/3807685>